

Россия и Европа: на очередном перепутье

Статья состоит из двух смысловых частей. Во-первых, речь идет об эволюции концепта единой Европы, без понимания которого невозможна реализация эффективной внешней политики в отношении как отдельных европейских государств, так и Евросоюза в целом. Во-вторых, предпринята попытка оценить современное состояние и перспективы российско-европейских отношений.

Признавая наличие значительного многообразия в рамках Европейского Союза, следует все же указать на долгую историю теоретико-идеологического оформления единой Европы. Это – процесс, который нельзя не признавать или не замечать. Он не отменяет европейского разнообразия, но обосновывает существование современных общеевропейских институтов.

Понимание того, почему же в принципе возможна единая Европа (и насколько она возможна), начинается с эпохи Наполеона Бонапарта. В основе масштабного проекта французского императора лежала идея создания «большой Европы» во главе с наиболее развитой, по мнению завоевателей, Францией. Одновременно взгляды и действия Наполеона обусловили формирование и развитие рядом европейских деятелей науки и культуры альтернативного видения Европы и ее будущего. Эти две перспективы оказали на дальнейшее развитие европейского континента весьма значительное влияние. Оно ощущается и в наши дни, находя свое выражение, в том числе, в идеологическом фундаменте Европейского Союза.

Первая разновидность коллективной европейской идентичности связана с амбициозными устремлениями французских революционеров, а также режимов термидорианцев и Наполеона Бонапарта. Она основывалась на убеждении, что поскольку Европа являлась наиболее цивилизованной частью света, а Франция – наиболее цивилизованной страной континента, то аналогичные реформы и модернизация Европы должны привести к появлению единой Европы. Необходимо напомнить, что после битвы при Бувине в 1214 году Франция стала первой и веками оставалась единственной великой державой средневековой Европы. К 1789 году она была самой населенной страной континента, имела богатое культурное наследие и широкое разноплановое влияние [1, р. 354–355].

Продолжая завоевания, французские политики и военачальники не могли полностью освободиться от универсалистских и, по сути, пацифистских убеждений якобинцев. В конечном счете империя стала формой разрешения этого противоречия и своеобразной формулой, которая позволила Наполеону Бонапарту совместить приверженность превосходству Франции с единством ев-

Ваславский Ян Ильич, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории факультета политологии МГИМО, руководитель Международного аналитического центра "Rethinking Russia". E-mail: vaslavsky@yandex.ru

ропейских народов. Наполеон полагал политику модернизации и административной унификации преимуществом своего режима, а также основанием его исторической легитимности.

С одной стороны, можно утверждать, что Наполеон уверенно подхватил знамя универсализма, или всеобщности, у своих предшественников и старался позиционировать себя как «универсального монарха» [2, р. 306]. С другой стороны, все клише, которые получили режим и политика Наполеона, – «универсальная империя», «универсальное доминирование» и т.д. – во многом обусловлены реакцией европейской политической элиты на агрессивные внешне-политические действия Бонапарта.

Альтернативное видение общего «европейского дома», возникшее в результате революционных событий во Франции, предложили философы-либералы, не принявшие наполеоновскую имперскую модель. Основное отличие такого видения заключалось в неприятии амбициозных военных планов французских правительств. В своей критике продолжительной военной кампании и ее разрушительных последствий авторы концепции в конечном счете поставили под сомнение космополитические идеалы, которым были столь привержены наиболее влиятельные идеологи Просвещения.

Основные черты антиимпериалистского подхода изложены в работах А. де Сталь и Б. Констана. В произведениях мадам де Сталь акцент сделан на национальную специфику в рамках европейской культуры и философии, в том числе на вклад в континентальное наследие итальянских, испанских, германских и английских деятелей, который, по ее мнению, был малоизвестен и потому недооценен в самой «виновнице торжества» – Франции. Автор придерживалась идеи Монтескье о благотворном влиянии смешения народов севера и юга Европы, породившем разносторонность европейской культуры и многообразие национальных традиций, культурных особенностей и талантов.

Революционные процессы во Франции и последовавшие военные кампании в этом контексте рассматривались как прежде всего заведомо непродуктивная попытка одностороннего навязывания культурных ценностей одной страны целому континенту.

В то время как древние империи уважали традиции и обычаи покоренных народов, оставляли им возможность культурной автономии, в рамках имперской модели XIX века активно насаждались монополия и однообразие в сферах государственного управления, права, культуры и даже языка. Чтобы представить себе масштабы такого подавления, достаточно вспомнить, что правители Священной Римской империи управляли подданными, говорившими на большом количестве разных языков, при этом сами императоры нередко знали несколько языков. Так, говорят, что Карл V Габсбург разговаривал на испанском с Богом, на французском – с любовницей, а на немецком – со своей лошадью.

Подавляя местные особенности, имперская модель оказывала разрушающее влияние на идентичность, чувство собственного достоинства покоренных народов, лишала их воли к сопротивлению и делала из них пассивных объектов реализации политических и военных амбиций завоевателей, готовых к восприятию любых сигналов [3, р. 73–74].

В противовес «силовому» однообразию наполеоновской империи Констан предлагал идею ассоциации европейских наций, связанных торговыми интересами, а также общим стремлением к свободе и миру. Безусловно, военные кампании Наполеона Бонапарта продемонстрировали европейским правительствам множество опасностей революций и несдерживаемых имперских амбиций. Одновременно в континентальной политике показала свою нежизнеспособность модель XVIII века, в рамках которой произвольный, даже спонтанный баланс между европейскими державами, реализующими свои национальные

интересы, поддерживался исключительно торговым и военным соперничеством. Стало очевидно, что такое видение является нереалистичным и столь же утопичным для девятнадцатого и будущих веков, как идеалы всеобщего братства и мира, предложенные идеологами Просвещения.

Таким образом, Европе требовалось создание системы безопасности и развития, которую можно было бы контролировать и регулировать на континентальном уровне. Нежелание континентальных грандов возвращаться к старой и, по сути, самоуправляющейся системе отношений между европейскими государствами образца XVIII века свидетельствовало о появлении нового видения будущего Европы, которое стало достойным ответом наполеоновскому империализму. При этом следует учитывать, что формирование новых идеологических позиций было бы невозможным без самого Наполеона и его яркой политической и военной карьеры.

Необходимо отметить, что новая модель Европы, созданная по результатам Венского конгресса с преобладанием интересов великих держав в ущерб малым государствам, имеет очень мало общего с концепцией А. де Сталь и ее сторонников, в рамках которой север и юг Европы объединяются и «смешиваются» ради общего мира, свободы и сотрудничества.

Можно утверждать, что войны и прочие конфликты в Европе в XIX веке явились продолжением противостояния двух рассмотренных идеологических перспектив. Вместе с тем, Венский конгресс стал своеобразной «точкой невозврата» в процессе формирования современных представлений о Европе. То, что появилось в XVIII–XIX веках в плане идеологического оформления единой Европы, находит свое отражение и в наши дни.

Вспоминая о юбилее Венского конгресса, приходится констатировать, что повестка дня в стержневой своей сущности практически не изменилась. Если два века назад победа России и ее союзников позволила установить в Европе мир на несколько десятилетий, то сегодня на фоне неопределенности, по сути, продолжающейся с момента распада Советского Союза и окончания холодной войны, все чаще звучит вопрос: как долго еще нужно ждать, чтобы мир вернулся к своему «нормальному» состоянию. И действительно: почему за два с лишним десятилетия после окончания холодной войны конфликтогенный потенциал мировой политики не только не исчерпал себя, но, очевидно, продолжает накапливаться?

Дело в том, что после завершения холодной войны в мировой политике возникли опасные иллюзии, которые предопределили многие из нынешних сложностей и тупиков. Среди таких иллюзий – однополярный мир, а также делимость глобальной безопасности. В начале 1990-х годов фактически был сделан выбор в пользу консервации старой системы при допущении всплесков локальной и региональной нестабильности.

Эти правила худо-бедно позволяли консервировать ситуацию до недавних пор, несмотря на очевидные провалы односторонних подходов в международных делах, которые мы видели на примере военных операций в Ираке, Ливии и в других случаях.

Распад СССР действительно стал крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Она повлекла за собой не только появление на мировой арене полутора десятков новых государств, но и обострила десятки ранее латентных конфликтов.

Многие из таких конфликтов уже успели занять свое место в повестке взаимоотношений России и Запада, России и Европы. Однако если ранее эти конфликты не сказывались критичным образом на взаимодействии Москвы и европейских столиц, то украинский кризис привел к самым серьезным последствиям, включая взаимные санкции и де-факто заморозку отношений по многим направлениям.

Возвращение России в авангард мировой политики, укрепление ее позиций и все более уверенно звучащий внешнеполитический голос имеют место одновременно с попытками Запада перекроить в одностороннем порядке архитектуру европейской безопасности, окончательно лишив Россию тех гарантий, которые она (еще как СССР) получила четверть века назад от своих партнеров. Параллельно происходящее размывание ценностей, о котором уже неоднократно говорили здесь коллеги, пренебрежение важнейшими принципами внешнеполитической деятельности, ценностью данного слова и гарантий, практически не оставляет сегодня возможности для возвращения отношений к уровню прошлого десятилетия.

Как и ранее в XX веке, сильнейшее влияние на российско-европейские отношения продолжает оказывать третья сторона – США. Оно, очевидно, отражается на внешнеполитическом курсе европейских государств, вплоть до возможности прямого вмешательства во внешнюю политику конкретного государства.

Существует ли выход из сложившейся ситуации, который позволил бы нормализовать российско-европейские отношения? Вероятно, да, но он крайне сложен, долгосрочен и неразрывно связан с необходимостью ограничения влияния третьих стран на дела континента. Иными словами, при сохранении существующего давления со стороны США весьма сложно представить себе нормализацию ситуации в Европе и создание благоприятных условий для восстановления отношений.

Вместе с тем, есть хорошая поговорка о том, что счастье достигается на контрастах. В этой связи мы должны помнить, что любое развитие возможно только через кризис. Иными словами, развитие неотделимо от понимания кризиса и прохождения через кризисные этапы истории. Существующий кризис в отношениях России и Европы нужно воспринимать как шанс для серьезного разговора о новой архитектуре европейской безопасности, крайне желательно – без назойливых посредников.

Почти двадцать пять лет после распада СССР таких разговоров, по сути, не велось. Россию считали «младшим партнером», дружески «похлопывали по плечу». Но по-настоящему конструктивный разговор возможен только на равных. Если получится провести его в обозримой перспективе, это станет одним из наиболее важных достижений внешней политики европейских стран и России на современном этапе развития.

Литература

1. *Geiss I.* European Revolutions and the European System // *History of European Ideas*. 1989. Vol. 11 (1–6). P. 351–358.
2. *Dwyer P.* Napoleon and the Universal Monarchy // *History*. 2010. Vol. 95. Issue 319. P. 293–307.
3. *Fontana B., ed.* The Political Writings of Benjamin Constant. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Аннотация. В статье анализируется эволюция концепта единой Европы со времен Наполеона Бонапарта. Автор рассматривает две концепции европейской континентальной политики и развития, предложенные, соответственно, сторонниками Бонапарта и философами, не принявшими наполеоновскую имперскую модель.

Кроме того, в публикации предпринята попытка проанализировать текущее состояние российско-европейских отношений с учетом эволюции концепта единой Европы.

Ключевые слова: Франция, Наполеон Бонапарт, панъевропейская идея, наполеоновские войны, Россия и Европа, российско-европейские отношения.

Yan Vaslavsky, Ph.D. in Political Science; Associate Professor, Department of Political Theory, Faculty of Political Science, MGIMO University; Head of the International Research Center "Rethinking Russia". E-mail: vaslavsky@yandex.ru

Russia and Europe: A New Crossroads

Abstract. The article analyses the changing concept of united Europe from the times of Napoleon Bonaparte. The author ponders on two visions of European politics and development promoted by advocates of Napoleon Bonaparte and philosophers who eschewed the Napoleonic imperial model, respectively.

Moreover, the article seeks to study the current relations between Europe and Russia given the changing concept of united Europe.

Keywords: France, Napoleon Bonaparte, Pan-European idea, Napoleonic Wars, Russia and Europe, Russian-European Relations.

М.В. Ремизов. Проблема только в том, что дипломатические прорывы, типа Венского конгресса и Ялты, случались после больших войн. Интересно, можно ли по-другому?

Нередко вспоминают фразу Путина относительно того, что крушение Советского Союза было

геополитической катастрофой. Примечательно, что первым эту мысль из крупных государственных деятелей высказал не Путин, а Джордж Буш-ст., практически в такой же формулировке. Мир стал более опасным после крушения Союза, в том числе для Европы.

